

Анатолий
Рубин

Белый
Mercedes

Анатолий Рубин
Белый мерседес

«Издательские решения»

Рубин А.

Белый мерседес / А. Рубин — «Издательские решения»,

У каждой эпохи есть свои герои, нет, скажем скромнее, персонажи. Наиболее колоритные из них появляются на переломе исторических эпох, формаций. Середина 90-х годов XX столетия была именно таким переломом в истории нашей страны, когда было выплеснуто столько интересных персонажей — ищущих себя, свое место в этом непростом мире. Данная книга — своеобразный литературный памятник этому ушедшему бурному периоду времени.

© Рубин А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть 1.	7
1. Человек ниоткуда	7
2. Вокзальные университеты	9
3. На столичных улицах	13
4. В общежитии	17
5. На ударной стройке	21
6. Правнуки лейтенанта Шмидта	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Белый мерседес

Анатолий Рубин

© Анатолий Рубин, 2015

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

*Многие же будут первые последними, и последние первыми.
Евангелие.
От Матфея святое
благовествование, гл. 19.*

У каждой эпохи есть свои герои, нет, скажем скромнее, персонажи. Наиболее колоритные из них появляются на переломе исторических эпох, формаций. Средине 90-х годов XX столетия была именно таким переломом в истории нашей страны, когда было выплеснуто столько интересных персонажей – ищущих себя, свое место в этом непростом мире!

Еще одна особенность этого времени – стремительное изменение в шкале ценностей и самосознания. Как быстро летит время и уже трудно поверить, что все это было совсем недавно. Сегодня мы уже другие. Более свободные и уверенные в себе. И уже нам смешно, какими мы были совсем недавно, доверчивыми и наивными. Мы стали забывать, что носили миллионы в кошельках. Хотя с другой стороны, не такие уж мы и новые, и все ли забыто?

Часть 1. Найти себя

1. Человек ниоткуда

Видавшие виды милиционеры города N ощутили полную беспомощность, столкнувшись с молодым человеком. Мужчина лет тридцати, совершенно не помнил кто он, откуда и как оказался на дороге в этом городе.

Загадочно было само появление незнакомца. Его заметили рано утром, после прошедшего майского, теплого дождя, когда, промокший до нитки, он пытался остановить проходившие мимо машины. Одет незнакомец был просто. Так, как одета половина мужского населения России. Светлые брюки, рубашка в полоску и куртка-джинсовка. На ногах – кроссовки. Мужчина невнятно отвечал на вопросы прохожих и находился в состоянии шока. Милиция, заинтересовавшаяся этим странным человеком, выяснила, что у него нет никаких документов.

Незнакомец был явно не похож на бродягу. Выше среднего роста, нормального телосложения. Брюнет, светло-карие глаза с любопытством и некоторой насмешкой смотрели на окружающих, правильные черты лица. Нельзя сказать, что это было типично русское лицо, скорее в нем угадывалась великая смесь тех народов, которые теперь живут российской территории. Разговаривая со стражами правопорядка, мужчина вдруг зашатался и потерял сознание.

Среди немногочисленных бумажек и старых проездных билетов из кармана мужчины извлекли обрывок квитанции, в которой значилось: Крестовский Родион Георгиевич. Предпожили, что это и есть тот самый гражданин.

Между тем, растерянные врачи больницы, куда его, в конце концов, доставили, терялись в догадках – небольшая травма головы абсолютно ничего не объясняла. От подобных ударов люди обычно не забывают прошлое. Его положили в палату, и он лежал, не понимая, что с ним. Немного кружилась голова, во всем теле ощущалась страшная слабость, и очень хотелось спать. Ему не хотелось реагировать на свет, звук, прикосновение. Медперсонал заходил в палату взглянуть на необычного больного. «Кома», – констатировал лечащий врач. Беспомощным был и поставленный диагноз: «Тотальная амнезия неизвестного происхождения». «Полная или частичная потеря памяти происходит в результате черепно-мозговой травмы, отравления ядовитыми веществами», – прокомментировал он после очередного осмотра больного.

– Мы не знаем, отчего потерял память наш пациент. Может быть, он неудачно упал и получил точечный ушиб мозга? А может быть, это влияние геомагнитных волн? Были на моей практике и такие случаи».

Сознание стало постепенно возвращаться к молодому человеку. Увы, он забыл обо всем, что с ним происходило до этого. На теле не было видимых повреждений. Первым его вопросом, когда пришел в себя, было: «Где я?!» С удивлением смотрел через окно на дорогу, на проносящиеся мимо машины, проходящих людей.

Нигде не болело, он нормально спал, хорошо с аппетитом ел. Утром разглядывал себя в зеркале и не узнавал.

Хотя к расследованию подключилась и область, вопросов стало не меньше. Был сделан запрос по России и странам ближнего зарубежья по поиску родственников этого человека. По этому поводу поступило несколько заявлений, однако как выяснилось, они относились совсем к другим людям, пропавшим без вести.

Мужчина так ничего и не вспомнил. Не помнил ни своей фамилии, ни имени. Начисто забыл свое отчество. Он был как бы ниоткуда и лишь смутно помнил родителей и первые впе-

чатления детства в большом городе, а все остальное для него как бы не существовало. Ему заново пришлось возвращаться в этот мир. Иногда он ставил в тупик докторов своими познаниями в медицине. Они откуда-то всплывали в памяти. Прошлое не приходило даже во сне. А будущее представлялось неясным и весьма расплывчатым.

– Я вот тоже иногда забываю все, что происходило со мной пять минут назад, – делился своими познаниями его сосед по больничной палате пожилого возраста по имени Иван Петрович, – хотя, например, помню до мельчайших подробностей все перипетии детства и юности.

Когда к ним в палату приходил врач, сосед, принявший близко к сердцу попавшего в беду молодого человека, спрашивал:

– Доктор, а может ему какие лекарства?

– Лекарства не помогут. Да и нет лекарства от амнезии.

Здесь следует сказать, что само явление амнезии до сих пор остается одной из главных загадок человеческого мозга. Хотя многие из нас раз в жизни, а может быть и не раз, но испытывали ситуации, когда после приличного возлияния на следующее утро помнили происходящее только до определенного момента.

Но вернемся к нашему герою. Вначале его никак не называли, просто «больной». Но тут вспомнили про найденную квитанцию с фамилией.

«Это тот, кто не помнит ничего. Ну, Крестовский», – говорил следователь, зайдя в очередной раз в больницу. Потом так и записали в документах: «Крестовский Родион Георгиевич».

Иван Петрович долго присматривался к странному молодому человеку.

– Так, ничего не помнишь? А родителей? – допытывался он.

– Не помню.

Между тем, подходил день выписки. «Поехали ко мне в поселок», – неожиданно предложил Иван Петрович Родиону. «Ну что же, никогда не бывает поздно начать новую жизнь», – подумал Крестовский и согласился.

Жена Ивана Петровича встретила Родиона как родного сына. Он не стал нахлебником, за несколько недель выучился премудростям шашки: штукатурил, клал кирпичи, плотничал. Прошлое возвращалось памятью рук и рефлексив. Увидев по телевизору американский боевик, смог перевести с английского, оказалось, что когда-то занимался фотографией. Пройдя все круги бюрократического произвола районной, областной администрации, миграционной, паспортно-визовой и прочих служб, он получил наконец, паспорт, но, самое главное, понял, что никому не нужен. Судьбой его абсолютно никто дальше не интересовался.

В поселке появление нового человека восприняли неоднозначно: соседи дружно решили, что он агент КГБ. Однажды они, надеясь проверить эту версию, напоили его водкой. Но что он им мог рассказать? Тем временем, кто-то залез в соседский огород. И все почему-то подумали на Крестовского.

– Тебе лучше уехать, – было решено на семейном совете. У Ивана Петровича оказался дальний родственник, живущий в Москве и работающий комендантом одного студенческого общежития.

– Поезжай Родион в столицу. Большому кораблю – большое плавание, – говорил его благодетель.

2. Вокзальные университеты

Крестовский приехал в Москву поздним вечером. Ехать сразу к родственнику Ивана Петровича он не решился и остался на вокзале.

Вокзал жил какой-то своей особой жизнью. Одни люди уезжали, другие, наоборот, прибывали. Одни очень спешили, вероятно, на отходящий поезд, другие наоборот, никуда не торопились и старались убить время. Последних было явное большинство. И вот в этой людской круговерти оказался наш герой.

Родиону бросились в глаза неряшливо одетые стайки людей. Они обычно мирно сидели или стояли с протянутой рукой. Оборванные, грязные и часто пьяные. Глядя на них, у Крестовского рождались мысли о резервациях.

Родион обошел привокзальную площадь.

– Бла-го-тво-рительная лотерея..., – затынула девица, охватив Крестовского цепким профессиональным взглядом.

– Внимание! Кооператив «Мираж» начинает свой тираж, – раздалось перед залом ожидания. – Плати, не ломайся, потом наслаждайся!

И снова:

– Смотри внимательно! Приз получишь обязательно!

Так зазывал к себе симпатичный блондин лет двадцати пяти, изящно двигая несколько карт по куску картона на раскладном туристическом походном столике. Он подозвал Крестовского к себе.

– Постой, пожалуйста, у стола. Просто для массовости, а то народу нет.

Крестовский сделал пару шагов к «столу». Парень назвал Григорием и поведал, что тут все легко: просто надо из трех карт угадать черную масть. «У кого хорошее зрение, тому будет премия!», – не забывая о своей работе, выкрикивал тем временем парень.

– И много зарабатываешь?

– Конечно, не так, как раньше, но на хлеб хватает. Да и видишь, сколько гавриков, им тоже нужно. Совсем рядом находился еще один профессиональный игрок и крутил барабан с лотерейными билетами.

Это было видно придумано очень умным человеком. Как в «Спортлото» крутился барабан, выпадали шарики, на которых были написаны номера. Стояла довольно приличная группа зевак и несколько взволнованных игроков. У кого совпадал номер, тот выигрывал. Каждому номеру была присвоена определенная сумма выигрыша.

Через полчаса Крестовский познакомился и с ним. «Барабанщик», как называли его на определенном жаргоне, оказался словоохотливым и легко шел на контакт. Как вскоре узнал наш герой, «барабанщик» и его бригада, в несколько человек, приехали в Москву из братской Украины.

– А что в самостийной? – поинтересовался Крестовский, – мало доверчивых?

– Да нет, там меньше доход и милиционеры мешают.

– Наверно трудно втянуть прохожего в игру?

Главное, чтобы он купил жетоны. Человеку надо говорить о том, что ты его любишь, тогда он легко отдаст свои деньги.

– А как с уголовным кодексом? – любопытствовал Крестовский.

– Только административное взыскание в виде штрафа.

– А бывают проколы?

– Бывают. Но их гасим. Успокаиваем проигравшего, если надо на дорогу дадим, и водки с ним выпьем.

– Ну а милиция не гоняет?

– «Чужим» милиционер не бывает. Потому, что он тоже понимает, что если мы здесь работаем, то значит, нам разрешили. Зачем ему ссориться, прежде всего, со своими коллегами?!

– Не жалко вечно проигрывающих людей?

– Нет, не жалко. Я их не заставляю играть. Они хотят на халяву выиграть. Просто их немного лечу от жадности.

«Не самая дешевая медицина», – подумал, но ничего не сказал Крестовский. Конечно, все зависит от точки зрения. От того пресловутого угла зрения, преломления, как хотите называйте, под которым человек смотрит на окружающий мир с высоты своего житейского интеллекта. Для милиционера, например, весь мир делится на обычных людей и преступников, у врачей – на больных и здоровых. Небольшое количество профессиональных мошенников живет за счет множества простаков в полной гармонии с законами природы. Говоря образно, на то и щука в озере, чтобы карась не дремал, чтобы был легок на подъем, не обрастал жиром.

Вокзал жил своей ночной жизнью. В это время какие-то парни с квадратными челюстями честно отработывали свой хлеб, нанося профессиональные удары кулаками по почкам, ребрам и в грудь какому-то тщедушному, но стойкому мужичку. Он не сопротивлялся, но не уходил с «ринга», пытаясь что-то видно доказать.

– Смотри, вора поймали, – прокомментировал ситуацию Григорий, хотя Родион минут десять тому назад видел, как эти же молодчики шарили у него по карманам.

Прошло еще полчаса и уже в другом конце зала, у другого «стола» вспыхнуло легкое недоразумение.

Молодой человек кавказской национальности что-то стал громко возмущаться и горячо доказывать. Парни, минуту тому назад мирно дремавшие в углу на скамейке, тут же вскочили и повторили ту же самую операцию, что и с мужичком. Прилично нокаутировав и почистив карманы, они вытолкали его к дверям зала ожидания, чтобы, не дай Бог, не опоздал на поезд.

Самое главное в шулерстве – втянуть игрока в игру. Делалось это просто и даже изящно. Мошенники и жертвы – единое целое, они чувствуют друг друга и неисповедимыми путями стремятся навстречу. Крестовский наблюдал, как у палатки с лотерейными билетами, к даме-туристке, видно приезжей и одетой по последней китайской моде, подбежали два парня и, темпераментно жестикулируя, заголосили: «Девушка! Только на вас последняя надежда! По глазам видим – у вас легкая рука! Вытащите билетик, а то нам не везет!»

Женщина вытащила. Парни развернули бумажку и, получив, в соседнем ларьке выигранные триста тысяч, рассыпались в благодарности, а на прощание подарили благотельнице нераспечатанный билетик.

Та раскрыла билетик, и ее лицо озарила счастливая улыбка. Она выиграла. Выигрыш был мизерный, всего пятьдесят тысяч. Но какие – никакие, а деньги, и отправилась к хозяйке палатки за причитающимся призом.

– Пятьдесят тысяч – это лишь полставки, – объявила женщина за барабаном, – вам надо подождать еще одного такого приза и вы получите сто тысяч на двоих.

– Ждать?

– А ждать и не надо, – обрадовано проговорила продавщица, – вон молодые люди стоят. У них точно такой же билетик.

– Отлично, – женщина была довольна.

– Э, нет! – потирая руки, отрезвила ее лотерейщица. – Выигрыш надо купить с аукциона. Победитель возвращает свои вклады, получает все деньги проигравшего и сто тысяч в придачу.

Далее она сообщила, что со всего этого она должна получить два процента за организацию турнира.

– Какие проблемы, ребята? – обрадовано заявила дамочка-туристка. – Кладу две тысячи и делим этот призовой выигрыш.

Но тут компания заартачилась и потребовала большой игры. Крестовский, немного расслабившись, с интересом ожидал дальнейшего развития ситуации. «Ну что ж, – рассудил он про себя, – вероятно, за науку никаких денег не жалко».

Игра шла разухабисто. Деньги лились нескончаемым потоком. Этот ручеек, начавшийся с нескольких тысяч, в считанные минуты набух до несколько десятков миллионов рублей.

Парень-конкурент довольно долго переминался с ноги на ногу, артистично тяжело вздыхал, отчаянно махал руками и лез в очередной раз за бумажником, доставая оттуда пачку денег.

Родион с некоторым сожалением смотрел, как дамочка входила в раж.

– Ну, посмотрите на него! – обратилась она в сторону противника. – У него наверняка больше нет ни копейки. Сейчас я его дожму!

Тип, помявшись еще секунд пять, полез в другой карман, вероятно, за последней и решительной суммой.

– Ребята, вы меня все равно не обыграете. У меня денег больше, чем у вас всех, вместе взятых. Вы знаете кто я? Буфетчица с корабля дальнего плавания. – В творческом угаре говорила женщина подставным игрокам.

Потом она сняла с пальца кольцо с бриллиантом в несколько каратов, поставив его на кон. Потом второе. Но мошенники не проигрывали... Буфетчица мучительно осознала ужас своего поражения.

Лотерея здесь на вокзале оказалась самым распространенным видом мошенничества, а аукцион – главная его часть. Самое интересное, что в мошеннической лотерее все билеты были выигрышные. Взяв билет ради любопытства, уйти несчастный уже не может, игра идет по принципу «в руки берется – назад не отдается». Эти наблюдения, как нельзя лучше, характеризовали наблюдательно-философский склад мышления Крестовского.

Дежурка местного отделения милиции работала в режиме боевого поста. Патрули заламывали регулярно руки за спины, энергично препровождая добычу в камеру предварительного заключения, называемого в служебном лексиконе, как в прочем и в простонародье КПЗ. (Название этого учреждения еще встретится в нашем повествовании). Для некоторых граждан романтические грезы о дальних странствиях разрушались так же легко, как исчезали лужи под ярким солнцем.

Родион обратил внимание на молодую миловидную девушку. Та стояла у стены и тихонько всхлипывала.

– Девушка, вам плохо? Может быть нужна помощь? – участливо спросил он.

– Ничем вы мне не поможете, – всхлипывая, ответила та, и немного успокоившись, рассказала свою историю. Ее звали Таня, она приехала из Брянска в Москву за «дешевыми» шмотками. Здесь в Лужниках на рынке вещи стоят намного дешевле, чем у них, на брянском рынке.

Прямо на столичном вокзале к ней подошла женщина средних лет и слезно попросила купить в одном месте в палатке 10 женских кофточек, 50 тысяч за штуку. Ей, дескать, не продают, так как она берет на продажу.

«Вы купите мне, а потом отойдем в уголок, и отдадите мне эти блузки, а я вам деньги». Таня, конечно, решила помочь женщине. Она была доброй девушкой. Как не выручить человека. Но как только она купила на свои деньги 10 кофточек и подошла к установленному месту, чтобы их отдать, незнакомка «испарилась». И вот теперь Таня стояла с этими злосчастными кофточками и не знала, что с ними делать.

Вскоре оказалось, что цена этим кофточкам всего двадцать тысяч.

– В милицию обращалась?

– Обращалась.

– И что там, помогли?

– Сказали, таких как я – тысячи. Будут искать. Если случайно найдут, то сообщат.

– Ну и что ты собираешься делать дальше?

– Еду домой.

– Правильно. А кофточки продай, вернешь часть денег. Ну не повезло, будешь в следующий раз, более осторожной.

Через некоторое время Родиону предложили сыграть в карты – в дурака.

– Ты откуда, парень?

Крестовский, уже хорошо понявший здешние законы, на всякий случай сказал, что из Калуги.

– Ну и прекрасно, давай, сыграем в калужского дурака...

Буквально за ночь Родион прошел курс университета жизни. Он понял и другое – на московских вокзалах без особой нужды находиться не стоит. Это вредно со всех точек зрения.

3. На столичных улицах

Утром Крестовский быстро нашел родственника Ивана Петровича и хоть тот свалился ему на голову так неожиданно, но не растерялся и в этот же день Родион уже был поселен в студенческое общежитие.

Ему была выделена отдельная комната с ванной и туалетом. Верхний свет не работал, и работать не мог, зато имелась настольная лампа, которая включалась и выключалась без видимых замыканий. Открыв дверь ванной, он увидел тучные стада тараканов, которые кинулись врассыпную по побитому временем и прежними жильцами кафелю.

Первые несколько дней Родион ходил по столичным улицам и площадям, вздыхая воздух такой знакомый и незнакомый.

Москвичи были энергичны и деятельны, жизнерадостны и приветливы. Его первые впечатления? Москва – город контрастов. Город богачей и бедняков. Здесь пересекались все российские пути – дороги и судьбы, находилась высокая власть, у которой одни – ищут правду, другие, каких большинство – покровительство. В Москве сосредоточен иностранный капитал: на каждом шагу крупные коммерческие банки, биржи, иностранные фирмы, АО, СП, магазины, предприятия. Здесь же концентрируются и криминогенные мафиозные структуры. Воротины теневого бизнеса перебираются и обустроиваются в Москве. Акулу гораздо сложнее выловить в океане, нежели в маленьком прудике.

Именно здесь больше всего пенсионеров, которые влечат жалкое существование, бомжей, стекающихся со всей страны. Там, где есть богатые, всегда найдется кусок и объедки для бедных. Сюда стекаются и беженцы, которым бежать уже просто некуда. Они живут без завтрашнего дня, и засыпают с мыслью: слава богу, что пока над головой есть крыша, а желудок наполнен какой-то пищей. Здесь богатые магазины и супермаркеты и шикарные особняки соседствуют с ветхими домами.

Крестовский с большим интересом гулял по городу. Похоже, что в Москве народ хронически был болен безостановочной ходьбой и разного рода передвижением. В любое время дня и ночи на улицах города расхаживает столько народу, что ему временами было просто непонятно: работает ли сейчас кто-нибудь.

Оказавшись на Красной площади и смешавшись с группой туристов, он слушал экскурсовода:

– ...Красная площадь – это неповторимый по красоте архитектурный ансамбль... В 1804 году площадь впервые замостили булыжником. Кремль строился с 1485 по 1495 год... На деньги Дмитрия Пожарского в 1620-е годы был возведен Казанский собор...

Когда человек оказывается в огромном городе, в котором его окружают большие дома, и он ходит по широким улицам, то у него невольно возникает иллюзия порядка и глубокой целесообразности жизни. Раз все вокруг так упорядоченно: автобусы, трамваи, поезда метро ходят по расписанию, дома пронумерованы, горожане регулярно ходят строго в определенные часы на работу, значит, и сама жизнь подчиняется какому-то внутреннему расписанию и человеку в этой жизни есть свое место.

Он был как в родном городе. Хотя педанты утверждают, что полноценным москвичом может считать себя только тот, чей прапрадед вовремя подсуелся и получил постоянную прописку в пределах Кремлевской стены. По другой более гуманной версии – в этом городе достаточно просто родиться. Ну, а в жизни все проще: вы живете здесь месяц, второй, третий, учитесь, работаете, ездите в метро, ходите по улицам, покупаете продукты питания, и вдруг становится совершенно не важным, откуда вы сюда прибыли из Жмеренки или из Женевы. Он не первый и не последний, кто приехал сюда в поисках лучшей жизни. Видно, это мечта всех провинциалов.

На станциях пригородных электричек и переходах хохлушки всю торговали семечками. Они орудовали какими-то хитрыми – обрезными стаканами. Стакан всегда стоял утопленным в семечках так, что выставлялся его венчик, и создавалась иллюзия его полноценности. Но когда доверчивый любитель пощелкать семечки платил за них и подставлял свой большой карман, то получал примерно на треть меньше ожидаемого.

К нему приставали цыганки, предлагавшие дешевые кожаные куртки и для пущей убедительности представляющиеся болгарками. Но, наученный опытом, он не останавливался и даже не замедлял хода ни возле них, ни возле уличных продавцов, пытавшихся всучить ему калькуляторы, деловые наборы, туристические путевки почти даром в связи с изучением рынка.

Как-то раз Родион решил доехать до центра на троллейбусе. На остановке он встретил спившегося, полураздетого, грязного, вонючего, но гордого бомжа, который хлебал из горлышка водку, пританцовывал и пел: «Аы-аы-аы. Т-т-т. Аы-аы. Ух. Аы-аы-аы!. Т-т-т. Тара-тара-тара-тара-таратам. А-тае-вве... Авторское телевидение». Задушевная песня была богато сдобрена вставленными в мелодию оглушительными отрывками из гласных звуков и удачно вставленными в мелодию нецензурными выражениями.

Подхваченный толпой, Крестовский лишился самоуправления и был внесен ею в троллейбус.

Троллейбус мерно потряхивало на ухабах. Родион несколько забылся, уйдя в свои мысли, но тут две приятельницы обнаружили, что едут – какое счастье! – в одном троллейбусе. Давно видно, как отметил про себя Родион, не встречались. И громко, словно, никого рядом не было, стали обсуждать свои житейские проблемы:

– Слушай, а Николай-то, – второй раз развелся!

– А Ленка Костина!.. Не знаешь? Она уже ушла от мужа, родила и живет с другим!...

Крестовский, не выдержав такого душевно-бытового стриптиза, продвинулся на несколько метров вперед.

Проехав остановку он заметил возникшего рядом билетного контролера. Собиравшись рассказать какую-нибудь историю, чтобы не платить штраф, он решил сначала внимательно ознакомиться с протянутым ему удостоверением. И не напрасно. Выяснилось, что наличие проездных документов проверял работник управления коммунального хозяйства в чине слесаря – некий Фигурков Алексей Иванович.

– Коллега! – присвистнул Крестовский.

– Чего? – не понял тот.

Приглядевшись к поборнику билетной справедливости, Родион обнаружил, что он, как и подобает слесарю в рабочее время, был слегка нетрезв.

«Лжеконтролер», поняв, что фокус не удался, под одобрительные возгласы особенно безбилетных пассажиров поспешил поскорее выйти из троллейбуса.

Троллейбус двигался по маршруту...

– И куда это все едут? – нарушила наступившую тишину бабуся с авоськой бутылок, задав свой риторический вопрос.

Люди вообще любят, когда кто-то говорит сальности и безобидно хамит – в конце концов это человек выражает их робкие догадки о сущности этой жизни.

Не получив ответа, она отправила дальнобойный снаряд ругательств против демократов, коммунистов и жидов. Исчерпав список «общих» врагов, старуха перекинулась на ближних.

Прошлась стремительным огнем по лимитчикам, заполнившим городской транспорт, по молодежи, которая ничего не хочет делать, а только заниматься бизнесом.

Народ ни гу-гу. Молчали мамы с притихшими детишками, мужчины не отрывали глаз от раскрытых газет.

Родион не выдержал:

– Извините, мамаша, нельзя ли помолчать, здесь же дети!

– Это ты мне? – старуха, получив «творческий импульс», стала заворачивать еще круче. Крестовский был уже не рад, что сделал ей замечание. А тут рядом с фурией возникла здоровенная фигура какого-то опухшего детины.

– Ты зачем маму обижаешь? – угрожающее он склонился над Родионом, дыхнув на него сильным перегаром.

Троллейбус еще стоял, когда к нему обратился мужичина в галстуке:

– Вот вы бы, молодой человек... Ведь вот вы интеллигент... Демократ, может быть... Взяли бы хулигана за шиворот. А вы...

Крестовский не дослушав направился к выходу и вышел на первой же остановке.

... Сирень, распутившаяся в скверике у Большого театра, пахла бензином. Ее вид был так печален, что никто не делал попыток ее обломать. Этим поздним вечером площадь была пуста. Ни прохожих, ни бомжей, ни милиционера. Он свернул на Петровку. Опять та же пустынная улица, только манекены, плавающие в глубине зеленовато-голубых витрин «Ле-Монти». Откуда-то из переулка сильно шатаясь, показался пьяный мужичина. Дойдя до фонаря рядом с рекламой «Высокая мода из Германии» он ухватился за него руками как утопающий за соломинку. Его лицо было белым как у Пьеро, и это была не игра света уличных светильников.

Крестовский прошел к Пушкинской площади. Здесь уже заняли рабочие места исполнитель романсов под гитару с картонной коробкой под ногами, продавцы книг от камасутры до маркетинга и парочка, восхваляющая бога в стихах. Все были нацелены на кошельки прохожих. Вероятно, догадываясь, что у него нечего взять, они не усердствовали при появлении Родиона.

Откуда-то вынырнули два солдата в грязных бушлатах. Думал, попросят закурить, но нет: – Дяденька, дайте на хлеб.

... В пешеходном переходе через Тверскую у гостиницы «Минск» он не поверил своим глазам. Порой наступает такой момент, когда встречается что-то необычное, экзотическое: нет, не жираф, не крокодил – черная женщина. Родион почувствовал близость африканского континента. Темно-тропическо-экзотическое доминировало над общепринятым бледно-белым. От нее пахло чесноком и квашенной капустой. И если бы его глаза были закрыты, она вполне могла сойти за пышнотелую девицу из глубинки. Но его глаза были открыты, а она была из Африки. Чернокожая губастая, сверкающая белоснежными зубами и бесчисленными черными косичками на голове. Крестовский остановился как вкопанный.

– Плиз, 100 долларов один тяьс, – пролепетала она, оглядывая его с ног до головы. По его лицу заскользил взгляд темнокожей «ночной бабочки».

«Поистине секс стал международным: наши к ним, они к нам. Так и тянемся, так и меняемся», – подумал Родион, – «Русский мужик экзотику любит, его только приручить надо».

Стоящая тут же рядом белая девица, по всему видно конкурентка, громко прошипела:

– Нормальный мужик с ними не пойдет. Ну, уж если самоубийца какой. А что касается экзотики... Я гуталином натрусь – вот тебе и экзотика...

... На город спустился вечер. Правила движения на ночных улицах противоречат дневным правилам пешеходного движения. Человек, идущий по центру проезжей части, лучше всего по трамвайным путям, подобен парламентарю, шествующему по нейтральной полосе. Всем своим видом он говорит: «Вот он, вот его честное лицо, он не нарушает ничьих территориальных границ, и вы дайте ему пройти спокойно. Если хотите подойти ко мне – перейдите через освещенную проезжую часть: я посмотрю, чего вы стоите».

Утверждают, что многие нападения на ночной улице совершаются потому, что нападающий хотел всего лишь пообщаться с идущим, но не знал, как!

В одном из безлюдных переулков к Родиону подошли двое молодых мужчин и вежливо попросили его вызвать одну знакомую им девушку из соседнего дома. Они искательно заглядывали ему в лицо и объясняли, что, мол, проблема с ее родителями. Они взъелись на нее.

История показалась Родиону вполне банальной, но не на темной безлюдной улице. Он уже было поддался на уговоры, когда вдруг один из несчастных влюбленных, неосторожно повернулся к свету фонаря, показав свое лицо...

Мимолетного взгляда Крестовского вполне хватило, чтобы понять, что никакой знакомой девчонки поблизости нет, а есть трудное детство и по крайней мере года три в колонии. Конечно лучше уступить дорогу собаке, чем дать ей укусить себя, настаивая на своих правах. Даже если вы убьете собаку, укус останется укусом.

– Нет, братцы, извините, – расплылся он в улыбке. – Спешу, ничего не выйдет.

Добрые и заискивающие выражения на лицах как водой смыло. Они угрожающе надвинулись на него.

– Снимай катки, – сказал сердито один. – Ну, быстро...

– Что, простите? – удивился Крестовский, с трудом понимая сленговый синоним слова «ботинок», и сделав одно неуловимое движение, рванул через улицу.

Пробежав метров пятьдесят, уже на другой стороне улицы поворачивая за угол, он обернулся. Понял, что бежал зря. Товарищи, позарившиеся на его одежду и кошелек, представляли собой довольно пошлую картину: один стоял на коленях и никак не мог подняться с земли, другой в скорбящей позе стоял поблизости, излучая гуманизм и миролюбие. Преследовать его никто не собирался...

Но не думайте, что от головорезов ему удалось уйти благодаря какому-нибудь навороченному приему из арсенала самбо или восточных единоборств. Это было совсем не так. Неприятностей он избежал благодаря баллончику со слезоточивым газом, которым его заботливо снабдил перед поездкой в столицу Иван Петрович. «Там много хулиганья, а это выручит», – напутствовал он, и как в воду смотрел.

4. В общежитии

Считается, что у проживавших на Земле за последние 50 тысяч лет 800 поколений, 650 поколений провели жизнь в пещерах, 400 – применяли огонь, 200 – использовали энергию животных, 80 – жили в домах...

Иметь комнату, даже в общежитии все равно было большим делом. Родион быстро освоился и перезнакомился со своими соседями.

Общежитие, конечно, не высший класс, но все же крыша над головой.

Стипендию в институте, в котором учились проживающие в общежитие студенты, частенько выплачивали большой с задержкой, но зато, когда ее выдавали, это был большой праздник. Серая общага сразу преображалась, а ее жители приобретали здоровый цвет лица и нездоровый блеск в глазах. На столах пшеничную кашу сменяли пельмени, макароны с натертым сыром, появлялся хлеб и сахар.

Когда все наедались досыта, то возникало желание выпить и повеселиться. Веселая гулянка продолжалась до тех пор, пока в карманах что-то оттопыривалось, а потом ребята сдавали бутылки и покупали хлеб. После этого ждали чьей-нибудь посылки из дома.

«И что же? – спросите вы, – кто были соседи Родиона?» Ему повезло, он поселился в небольшой комнате, где жил один. Общежитие жило своей особенной, размеренной жизнью и вскоре Крестовский стал ее непосредственным участником.

По ночам из-за двери напротив раздавался могучий храп. Большинство храпунов имеют излишний вес, пьют, курят. Даже в былинах об Илье Муромце повествуется о его «богатырском храпе». Кроме этого естественного человеческого порока Родион также познакомился с теорией кууптации. Кууптация – искусство научного бытия.

Виновниками этого стали два молодых человека, которые занимали комнату справа. Оба приятеля были ярыми кууптаторами. У большинства населения страны сложилось мнение, что студенты – это бледные, зеленые от грызни бананов, денно и нощно корпящие за письменным столом в библиотеке и дома люди. На самом деле все совсем не так. Это были жизнерадостные молодые люди. Они хорошо учились, ходили на все тусовки и самое главное постоянно кууптировались. Да. С утра до вечера и с вечера до утра, жертвуя здоровьем ради великого дела Учи Контейнеровича Румчерода. Уважаемый читатель, не подумай чего-нибудь дурного. Сразу от научного определения этого слова перейдем к бытовому. Кууптация в обыденном понятии это особое искусство жить, веселясь и радуясь всему миру и остроумно поддразнивая его, когда он становится совсем невыносим. У кууптаторов жива была легенда о том, как зародилось данное движение. Рассказывали, что якобы это произошло на острове Науру 3 марта 1943 года. Именно тогда был образован Международный кууптационный центр, где все развеселые студенты и состоят. Девиз кууптаторов придумал все тот же великий Уче Контейнерович Румчерод. Он ему приснился нарисованным на огромном зеленом полотнище: «Рум dum сиуртиро спего», что в переводе на русский означает «Пока кууптирую, надеюсь».

Каждому кууптатору положено было иметь кличку. Например, Василий отзывался на имя Гад Иванович Наглый, а Николай иногда торжественно представлялся Кретин Попугаевич Тактебятресну. Среди их знакомых были не менее звучные и выразительные имена. Например, Лысый-жаб Таксопаркович Номерной или Ошейник Гемороевич Сукин-сан.

Кууптаторы очень не любили гиппотатов, или «злобствующих гиппотационных сморчков», а именно, гадкого профессора, поставившему на экзамене «неуд», или преподавателей военной кафедры, заставлявших брить любимую козлиную бородку.

Родион очень заинтересовался новым студенческим движением и несмотря на иронию, сквозившую в каждом его слове, сказал:

– А что, я, наверное, тоже мог бы войти в руководящий состав вашего союза.

Его сосед слева Максим, или просто Макс, писал стихи. Особенно они ему удавались в слегка подвыпитом состоянии, но лучше даже когда доза была больше. Он мог поднимаясь пешком на шестой этаж сочинить стихотворение, как впрочем, и спускаясь.

В своей комнате он написал размашисто через всю стену ломаными неровными буквами: «Я, Максим Степанов, возможность трезвой жизни отрицаю!..»

История как Макс, выпивал с «классиками» была известна всем. Он снял со стен коридора портреты Пушкина, Лермонтова, Есенина, Блока и отнес в свою комнату, расставил у стены и стал с ними выпивать. Им наливает и себя не забывает. Да, с каждым чокается: «Ваше здоровье, Александр Сергеевич!.. Ваше, Михаил Юрьевич!..» Заходившие в комнату друзья решили его остановить. «Эй, Макс, ты чего наклюкался?» Максим был настроен решительно. Выставляя их за дверь, он объяснял свое поведение: «Ребята, не мешайте. Видите, с классиками беседую, с равными себе».

Однажды он пришел с книжечкой.

– Подари, с автографом – пристали к нему.

– Не могу. Тираж небольшой: всего два экземпляра. Один для автора, другой для издателя. На самом деле был сделан всего один экземпляр. А в переплетной мастерской он его переплел.

– Как называется хоть?

– «Первая» книга. Так и называется.

– «Первая»?!

– После моей смерти подлежит обязательному уничтожению. Такова моя воля.

Книга ходила по рукам, и читалась не потому, что это шедевры поэзии, а потому, что там были стихи про них.

Его любимым поэтом был Николай Рубцов, а любимым стихотворением, в котором были следующие строчки:

Мы сваливать не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет, тот и правит,
Поехал, так держись!..

Вот какие интересные люди окружали нашего героя. Но круг его знакомства продолжал расширяться. Однажды дверь его комнаты отворилась.

– Я буду здесь жить, – нагло сказал молодой человек с лицом ангела.

– Исчезни, – велел Родион и попытался захлопнуть дверь. Его наваждение легло грудью на дверь и с силой давило ее внутрь.

– Не уйду, – сказала оно, – мне некуда идти.

– Сверх нахальства, – Крестовский был поражен. Вломиться в чужую комнату и говорить, что будет здесь жить. Он узнал в этом нахале юношу по имени Лео, проживавшего выше этажом и с которым по какому-то случаю познакомился не так давно.

– Мои вещи выкинули из общежития. Мне очень стыдно тебя беспокоить. Но мне в самом деле некуда идти.

Тяжелые испытания научили Лео подбирать отмычки к чужим сердцам. Родион вздохнул и сказал роковую фразу:

– Заноси вещи.

Вечером Лео перенес вещи, а ночью притащил самое дорогое, что у него было свою – Ксю.

Беспристрастные наблюдатели никак не могли понять, что объединяло Родиона, Лео и Ксю. Дача денег отвергалась по причине их полного отсутствия у влюбленных.

Не была принята версия и о любви втроем: его сосуществователи были слишком полны друг другом, чтобы размениваться на кого-то третьего.

И Родион оказался в центре чужих страстей. Он понимал, что ужаснее всего для любви – бездомность.

Здесь нужно несколько слов сказать о Лео и Ксю. Вообще-то у них были имена и фамилии. Лео имел имя Леонид, а Ксю – Ксюша. Они сами придумали себе имена и постепенно все остальные окружающие стали их так называть.

Лео занимался коммерцией – но ему никогда ни в чем не везло. У него были глаза ангела, сердце поэта и прошлое уголовника. Когда-то в юности он взял на себя вину старшего брата, у которого была семья, и отправился в колонию. Теперь же Лео постоянно впутывался в темные истории. Целью его жизни было не больше не меньше – получить Нобелевскую премию по литературе. «Уж тогда, они будут кусать локти, что отказали мне в публикации моих повестей», – говорил он.

Но каждый из фантастических проектов Лео терпел фиаско, и заканчивалось дело тем, что они брали билет на электричку и ехали в Тулу в гости к маме Ксю – покушать досыта.

В общежитии многие не знали, кто такие Ромео и Джульета, но кто такие Лео и Ксю знали все. Они иногда ссорились и расставались, но спустя некоторое время возвращались друг к другу, как лесные олени ведомые шестым чувством. Друзья им советовали пожениться, но это было почти безнадежным делом.

Набор вещей, который они притащили в комнату Родиона, был прост и краток, как правда. У них были: сковородка, чайник, холодильник, небольшой шкаф и раскладывающийся на три части небольшой диванчик.

Каждое утро начиналось с ясно слышимого голоса Ксю из-за шкафа.

– Лео, можно тебя попросить?

Да.

Женись на мне.

– Я женюсь на тебе, когда стану знаменитым, – слышалось в ответ.

– Лео, тебе уже тридцать. Все женщины, которые тебя любили прежде, бросили тебя. Мы уже вместе два года. Разве этого недостаточно, чтобы пожениться?

Лео ел приготовленную яичницу, и уходил по делам, обещая Ксю скоро вернуться на новеньких «Жигулях». И Ксю рвала фотографии Лео, которые хранила в коробке от конфет, потом склеивала и аккуратно складывала обратно в коробку. Иногда она читала учебник.

Однажды Ксю поманил неверный блеск бриллиантов и она исчезла в малоизвестном направлении. Ее не было неделю и, когда Лео уже не знал куда идти и к кому обращаться, она явилась. Поставила в вазу цветок, посмотрела через зеркало на синяк на плече. Крестовский ни о чем ее не спрашивал. Пришедший вскоре Лео синяка не заметил и был счастлив встрече безмерно.

В это самое время Лео запал еще на одну идею: продать американскому миллионеру модели детской одежды, которые он тут же сам и нарисовал. Даже нашелся человек, который в считанные дни брался оформить визу. Но в который раз ему не повезло. Однажды дверь в комнату Крестовского распахнулась и на него двинулась незнакомая монголка, торжественная и непреклонная, как танк или, на худой конец, бронетранспортер. «Я пришла отомстить, – заявила гордая дочь пустыни Гоби. – Тот парень, с которым Лео договорился о визе, визы не оформляет, а рисует! Я уже пошла с такой визой в посольство – еле оттуда ноги унесла. Сейчас к вам явятся из органов облаву на вас делать». Родиону вовсе не улыбалось попасть в облаву, да еще компетентных органов, он уже начинал корить себя за то, что связался с этими влюбленными.

– Ксю! – завопил Крестовский, – Когда вы с Лео прекратите устраивать на моей жилплощади цирк!

Весь вечер и часть ночи вооруженные автоматами люди в форме ждали появления Лео. Под охраной боевого оружия Ксю угрюма молчала, а Родион пытался смотреть телевизор. Лео не было. Не дождавшись его, компетентные органы составили протокол и потребовали, чтобы Лео явился завтра по указанному адресу в назначенное время.

Лео явился через десять минут после того, как ушли автоматчики.

Забегая немного вперед, скажу, что финал этой истории был таков. В один прекрасный день Родион, вернувшись в комнату, обнаружил на столе ключи от дверей и записку. «Спасибо за все! Твои навсегда Лео и Ксю». Вообще-то он ожидал этого. Лео и Ксю наконец-то поженились и им выделили комнату в семейном общежитии. Стало даже как-то сиротливо. Крестовский слегка взгрустнул.

5. На ударной стройке

В принципе можно найти сотни относительно безопасных способов зарабатывания денег. Рыночные отношения предоставляют полную свободу действий и поступков, связанных с той сферой деятельности, которая раньше фиксировалась в милицейских протоколах как спекуляция. Можно, конечно, применить вариант «блюдца с голубой каемочкой», отбросив как анахронизм, скрупулезное добывание компромата на «новых Корейко». Можно заняться извозом или стать «общественным контролером» на наземном муниципальном транспорте, откатав на ксероксе «удостоверение». Однако эти способы требуют какого-то стартового капитала или средств технического обеспечения. «А что делать? – думал Родион. – Если в кармане нет ни гроша, но желание завладеть энным количеством дензнаков становится не самоцелью, а естественным желанием выжить в этой суровой жизни. Конечно, можно использовать свои природные способности, а именно – мускульную силу и выносливость. Здесь принцип простой: бери больше, кидай дальше».

– Каменщик, говоришь? – внимательно рассматривая ладони Крестовского в понедельник утром, задумчиво и лениво говорил почесывая за воротом своей выцветшей милицейской рубахи, майор Добролюбов.

– Так и быть поедешь на КПЗ. Родион вначале даже слегка был ошарашен от этого предложения. Его знакомый предложил ему подзаработать на строительстве дачи. А тут... в КПЗ?!

Мы работаем не «от» и «до», а сколько надо. Согласен? Строить предстояло новую загородную виллу очень большому начальнику, который носил на плечах милицейские майорские погоны и ключи от камер изолятора временного содержания.

Как ему объяснил знакомый, эта шабашка соответствовала прежнему статусу ударной комсомольской стройки, но, конечно же не потому, что возведение дачи для майора имело всероссийское значение. Просто майор оформил развод и свою старую виллу благородно оставлял супруге.

Встав рано утром, он благополучно на загородном автобусе добрался до того места, которое называлось КПЗ.

– Это что, конспирация такая?

– Чудак! – похлопал его по плечу парень в грязной спецовке, которого все называли Серый. – Такая у майора традиция: он все свои места работы называет КПЗ.

Трудовой коллектив, в который влился наш герой, сразу изменил его представления о современной шабашке. Он не увидел здесь угрюмых и заросших щетиной лиц, не было здесь и стойкого запаха перегара. Совсем напротив – с раннего утра стройплощадка, огороженная высоким забором из колючей проволоки, дышала трудовым энтузиазмом. Ровно к восьми ноль ноль – на зависть давно сидящего без работы местного стройтреста – подвозили раствор в импортной полиэтиленовой упаковке. Засучив рукава «сокамерники» Крестовского брались класть кирпич: шутка ли, за каждый уложенный кирпич хозяин платил в твердой валюте четверть доллара, если при этом учесть, что за трудовой день каменщик средней квалификации укладывает в среднем 500 кирпичей. Было легко подсчитать, что даже в Америке не снятся такие высокие заработки. Да, шабашить – не у станка стоять на каком-нибудь акционированном обанкротившемся заводе.

Здесьние порядки Родиону объяснил все тот же парень в спецовке, не забывая при этом укладывать кирпичи.

– Раньше милиционерскому начальнику арестанты – пятнадцатисуточники и подследственные дачу строили. Но теперь новые времена, новые отношения. Стало строго. Не так давно кто-то из начальства погорел на этом деле. Вот теперь нанимают за деньги... А знаешь сколько их начальников?

– Много, наверное?!

– То-то. И всем нужны дачи.

– А ты как с майором познакомился?

– Да, подрался на танцах с одним. Тот оказался на больничной койке, а я попал в КПЗ к майору. Светил немалый срок. Но майор помог, дали год условно.

В заключение своего нехитрого рассказа Серый проникновенно произнес: «Хозяин так и сказал, когда освобождали, пойдешь ко мне как бы на трудовое воспитание. Уже третью дачу строю. На первых двух мне как перевоспитываемому только пайку давали, а сейчас уже и платят».

В то время пока Родион и Серый возводили внутреннюю стену третьего этажа, чахоточного вида мужик по отчеству Семеныч выкладывал фасад дома. Это требовало большого умения. Но опыта и умения у Семеныча было не занимать. У него, по сведениям Серого, в активе было уже два досрочных освобождения за ударный труд за колючей проволокой, пять построенных дач. Когда последняя дача была построена, причем два этажа вверх и два вниз, майор был растроган до слез и пригласил Семеныча после освобождения занять почетное место в КПЗ.

Проблема всеобщей занятости здесь была решена окончательно и бесповоротно.

Другое почетное и не менее важное положение в шарашке занимал крановщик – Женька, которому вместе с управляемым им автокраном было присвоено имя «автоКПЗ». Когда-то Женька со своим автокраном трудился в одном строительном управлении. Майору же, всегда что-то строившему, позарез нужна была механизация. Сначала он арендовал кран, а после приватизации предприятий, кран стал его собственностью. Женька почему-то приглянулся майору и тот сделал его личным автокрановщиком. Когда же кран не использовался, Женька был его личным шофером и телохранителем. Не многие майоры могут похвастаться, что у них есть личные автокрановщики, водители и телохранители.

– Ну а бригадир, точно рецидивист. Смотри, все руки в татуировке и какие волосатые. А взгляд?! Бр-р!

– Ты что?! Совсем не разбираешься в людях. – Серый покачал головой, – это бывший милиционер. Вместе работал с хозяином в одном отделении и прежде стерег Семеныча. А вот теперь они делают одно общее дело. Рука об руку.

Наука овладения мастерком, благодаря природной сметливости и, вероятно, той неведомой старой жизни, прошла для Родиона без особых профессиональных затруднений. Бригадир придиричиво в конце смены осмотрел его работу, и удовлетворительно хмыкнув, искренне поинтересовался – не сидел ли тот хотя бы 15 суток. Но, получив отрицательный ответ, разочарованно ухмыльнувшись, заметил, что такие деньги ему платят лишь в порядке исключения, поскольку он на подмене основного состава. Но если Крестовский останется в КПЗ, то тариф ему установят как и Серому в полтора раза меньше.

Вот тогда Крестовский и поспорил с бригадиром: как же так, работу он делает не хуже, а платить будут меньше.

– А потому..., что нет у тебя «прописки» в нашей шарашке.

– Какой еще «прописки»? – не понял Родион.

Насчет «прописки» Серый любезно ему разъяснил:

– Понимаешь, ты ни чем не должен хозяину. А это не по правилам. Вот когда ты сядешь, ходя бы суток на 15 или еще лучше на больший срок, а он тебя вызволит, вот тогда ты будешь своим.

– Интересно, а почему майор не может нанять нормальных каменщиков, ведь он платит много? Только предложи.

– Э-э, друг, хозяин платит не за мастерство, а за понятливость. С другим контингентом он и разговаривать уже не может. Просто не поймут друг друга.

К шести часам вечера, когда солнце коснулось верхушек деревьев леса, КПЗ с сознанием выполненного долга выгребала из ведер последние пригоршни раствора. Трудовой день был завершен. Все распрямились, устало приводя в порядок рабочие места. Над стройплощадкой призраком бродил гулаговский девиз – «На свободу с чистой совестью».

В среду днем к стройплощадке, еле слышно шурша шинами, подкатила и мягко остановилась иномарка. Две хозяйские овчарки бросились навстречу хозяину и он, потрепав их по загривкам, стал исподлобья смотреть на проделанную работу и на шеренгу вытянувшихся кэпэзешников. Бригадир, шагнув вперед, бодро отрапортовал о проделанной работе. Майор остался доволен. Он поблагодарил за высокую сознательность и объявил благодарность от своего имени. Затем дал команду бригадире освободить из подвала провинившегося накануне Семушкина.

И через некоторое время из подвала строящего дома вышел на свет долговязый парень. Он был худенький с колониальной прической «Котовский», в дырявых тапочках. «Давай, вредитель, теперь поработай». Парень шурился от дневного света так, будто пробыл сутки в одиночной камере. А посажен он был за то, что еще вчера после обеда просидел в туалете целых полчаса. У бригадира сразу закралась мысль, что это от чрезмерного употребления местного вина. И тот настучал майору.

На следующий день, когда они делали новый раствор, Семушкин, в глазах которого собралась вся скорбь русского народа, поведал Крестовскому свою простую историю. Оказывается, он привлекался за – угон автомобиля.

Рассказ его был незатейлив.

– Родился я в тихом городке Кимры, что на Волге. Все время мечтал работать в милиции, ловить преступников, быть на переднем крае борьбы с ворами и убийцами. В армии служил десантником. Как раз, что надо. Физическая подготовка и все такое. Вернулся, а в милицию попасть не смог. Пришлось устроиться на один завод, а точнее – в гараж слесарем. Работа мне нравилась, к тому же если водителям вечером нужна была машина, то ее брали из гаража свободно, ни у кого не спрашивая разрешения. Можно было, например, директорскую «Волгу» взять, чтобы девушек покатать. Два месяца тому назад, – продолжал он свой рассказ, в промежутках между укладкой кирпичей, – Пришел в гараж, дал сторожу бутылку и поехал за город отдохнуть с ребятами. Потом поехал в соседнюю область к своей знакомой девушке. И надо же такому случиться, что машина сломалась прямо у районного отдела милиции. Зашел в милицкий гараж, и увидел веселую компанию милиционеров-шоферов. Их было несколько человек. Время обеда. Они отдыхали и пили водку. И вспомнил я тут о своей детской мечте, представил себя работником милиции, подумал, как хорошо было бы быть рядом с ними – с такими веселыми ребятами. Ну и черт меня дернул. Подхожу и говорю, что я такой же водитель-милиционер из соседней области, короче, привез своего начальника на «Волге», да вот незадача, случилась поломка. Шеф уехал на другой машине, а мне сказал, чтобы я обязательно отремонтировал машину. Но я не знал, что столь гостеприимными окажутся эти ребята. Они предложили мне посидеть, выпить. Хотел отказаться, ведь был за рулем. А те пристыдили, – «что ж ты за милиционер, если не пьешь за рулем?» И пошло, и поехало. Машину я отремонтировал. Но в это время в гараж заглянул один опер – Сашка Бурмистров. Он выпил со мной за знакомство, узнав, что я работник милиции из соседней области, пригласил в свой кабинет. Там мы продолжили начатое. Весь день я был в его кабинете.

– А что ж ты не вернулся с машиной?

– Не мог. Не отпускали. Говорили, что так быстро ремонт не закончишь. Чего тебе здесь плохо. Работа подождет. Я там познакомился с прекрасными ребятами. Один старший лейтенант Юра и лейтенант Володя.

– И ты присутствовал при допросах? – удивился Крестовский.

– А чего? Они как раз так мастерски раскручивали одного парня по клике «Мафия», которому клеили убийство одной женщины.

– Пытали?

– Да так. Один взял со стола электрический провод и вставил одним концом в розетку, а другим стал водить по телу.

– Что ж ты, вредитель, сразу не уехал? – неожиданно врубился в рассказ мастер.

– Бес попутал. Потом поехали отдыхать в профилакторий «Березовая роща». Сауна, девочки, водка с пивом, шашлыки, как тут откажешься. Весело. Мне все больше и больше нравилось быть милиционером. Так продолжалась целая неделя. Ночевал в кабинете у оперов. Потом стали просить съездить то по одному делу, то по другому. Правда машина была какая-то гражданская, но выручили ребята из гаража. Смотрю, ребята в гараже на моей машине по трафарету вывели «милиция», нарисовали российский флаг. Я был счастлив.

– Ну а дальше?

– Я неоднократно пытался уехать к себе и вернуть машину в гараж завода, но каждый день получал очередное задание, или не мог самостоятельно ехать, так как постоянно «принимали». Вдобавок вдруг внезапно начала сильно болеть печень. По просьбе знакомых оперов несколько раз ездил в приемник – распределитель, «получал» арестованного. Даже пару раз самостоятельно допрашивал. Потом опять как-то вечером поехали на рыбалку. Напились. На утро я решил все-таки уехать от них. Выехал, смотрю, в бардачке Володька забыл свое удостоверение. Я спяну засунул его в карман. При выезде из области подъехал к посту ГАИ, чтобы сдать найденное удостоверение. Там меня и арестовали, а машину подали в розыск. Опять препроводили в отдел милиции, где меня допрашивали мои новые друзья. Признался я в том, кто я на самом деле и чья это машина. Теперь вот сижу, и привлекаюсь к уголовной ответственности за угон машины. И черт меня дернул. Вот, втянули в свою компанию, делились со мной последней корочкой хлеба. И такой печальный конец... Хорошо майор, взял на свою стройку...

Семушкин закончив свой рассказ, понуро стал работать мастерком, снимая лишний раствор с кирпича, склонив лохматую голову на тощей как у гуся шее.

– Ничего, тюрьма – хороший университет, – усмехнулся бригадир, но тут же сменил тон. – А ну, братишки, взялись дружней! Порадуйте меня и хозяина усердной работой! – прокричал он, неведомо как узнавший о приближении майора.

Бетонщики, каменщики и просто разнорабочие навалились на работу изо всех сил. Бригадир одним глазом следил за работой, другим – за приближающейся хозяйской иномаркой.

Был конец недели и майор приехал принимать работу, а заодно и расплатиться. Он это делал на западный манер. Зарплата выплачивалась за трудовую неделю.

– Добро пожаловать, хозяин! Как видите, сегодня начали второй этаж. Майор не пожелал сначала выходить из машины, он только выставил на подножку ногу, а потом убрал ее обратно. Но вдруг переменял решение и вылез из машины.

– Строите на совесть?

– А как же иначе.

Майор пожевал губами, уткнулся взглядом в землю, потом поднял глаза, оглядел строящееся здание и с раздражением топнул ногой и с патетикой в голосе проговорил, буравя своими маленькими карими глазками на большом лице своих рабочих.

– Я всю жизнь делаю из таких как вы настоящих людей! – И уже, направившись в сторону машины, бросил негромко. – Денег пока нет. Ждите. Рассчитаюсь только с временными... Сел в машину и сделал знак шоферу трогаться. Все руки поднялись в приветствии, но майор даже не обернулся.

Недовольства никто не проявлял. Все входили в положение майора, и жалели его, так как настроение ему, видно, испортил бракоразводный процесс. Крестовский еще раз убедился в мудрости майора, который строит свои отношения с рабочими по принципу личной предан-

ности и благодарности. Иначе бы ударная стройка превратилась в обычный совковый долгострой.

...Вечером у Родиона нестерпимо болела спина, ноги казались ватными, а пальцы рук неприятно подрагивали и никак не могли держать вилку, она просто вываливалась. Зато в кармане у него лежала довольно приличная сумма денег. На кровать он упал как подкошенный, и сразу провалился в глубокий, без сновидений омут.

6. Правнуки лейтенанта Шмидта

В один из субботних дней Крестовский оказался в Измайловском парке. Его внимание привлекла довольно большая группа пестро разодетых людей, которая расположилась на лужайке и раздавала буклеты проходящей мимо публике. Получил буклет и Родион. Отпечатанный на хорошей бумаге, и красиво оформленный он внушал некое доверие. Развернув ради любопытства буклет Крестовский прочитал: «Программа Партии любителей пива».

Эпиграфом были взяты слова: «Никто не даст нам по кружке пива – ни царь, ни мэр, ни президент». «ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ ПАРТИИ: насаждая символ развитой цивилизации – пиво, всемерно способствовать прогрессу и процветанию общества».

Далее он пропустил разделы экономики и сферы здравоохранения. Взгляд зацепился лишь на словах, что «пиво – это второй хлеб». Потом шла «сфера культуры». Внимательно прочитал последний раздел «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА». Там было написано буквально следующее. «Так как во многих странах пиво является основной статьей пополнения бюджета, а потребляют его во всем мире, назрел вопрос о сближении политических позиций стран потребителей и производителей пива. Выразителем этих объединенных интересов и призвана в итоге стать наша партия, способствуя таким образом укреплению международных связей и росту взаимопонимания между людьми... Надеемся, что представленная информация убедила вас, – прочитал в конце буклета Родион, – в том, что Партия любителей пива – это ваша Партия!» После прочтения этого проспекта ему почему-то подумалось: «Слабые люди не создают сильных партий».

Между тем, на сооруженной тут же импровизированной трибуне стали выступать ораторы. Первый почти слово в слово пересказал текст буклета. Второй – выражал надежду, что партия, приоритетом которой является пиво, поможет объединить всех жителей планеты под лозунгом: «Пиво, как способ борьбы с инфляцией». Он призывал всех, кто любит пиво, этот замечательный во всех отношениях напиток, вступать в Партию любителей пива. Ему похлопали.

Другой выступающий объявил, что одним из условий приема в Партию было обязательное предоставление фотографии, девять на двенадцать, с изображением кандидата, держащего в руке кружку пенистого напитка.

Среди собравшихся зевак быстро распространился слух, что будут давать бесплатно пиво. Это сплывало собравшихся и заставляло терпеливо слушать ораторов.

Партия любителей пива оказалась очень обеспокоена судьбой курильщиков всего мира. Председатель фракции курильщиков-любителей, невзрачный блондин, выступил с краткой речью, в которой он призвал начать активную борьбу за права курящей части населения. Начало борьбы положено тем, что после пламенных речей было написано письмо в адрес Генеральной Ассамблеи ООН. А для того, чтобы не тратиться на дорогие нынче, на взгляд партийцев, почтовые услуги, письмо было упаковано в бутылку «Жигулевского» и брошено в воду. По расчетам специалистов по бутылочной почте, послание ООН получит не ранее чем через полгода. Многочисленные провожающие желали письму попутного ветра и семи футов под килем. Предлагаемый путь письма был следующий: Москва-река, Волга, потом по Волго-Донскому каналу в Дон, – Азовское, Черное, Средиземное море – Атлантический океан – г. Нью-Йорк.

После торжественной части состоялась распродажа кулинарных блюд. Причем эта была не просто распродажа. Полученные средства обещали направить детям детдома. На импровизированной сцене стоял ведущий с фаршированной уткой в руках.

– Начальная цена 10 тыс. руб. Это удивительная утка, приготовленная в ресторане «Прага».

- 12 тыс. рублей, – крикнул нехотя совсем близко человек в черной куртке.
- 12 тысяч рублей раз, 12 тысяч рублей – два...
- 16 тысяч рублей, – крикнули в правом углу.
- 20 тысяч рублей, – опять предложил человек в куртке.
- 40 тысяч рублей!

Чья та рука поднялась из задних рядов стоящей толпы.

- 40 тысяч рублей, раз, 40 тысяч рублей два, 40 тысяч рублей – три. Продана!

На помост выскочила дамочка, к которой «отлетела» птица.

- Как вас зовут и откуда вы? – спросил ее ведущий.

– Я гуляла с друзьями. У меня день рождения и мне подарили сто тысяч рублей. Раз аукцион посвящен детям, то решила отдать им эти деньги...

Расчувствовавшийся ведущий от себя подарил даме цветов и то, что он не смог продать на аукционе. Уходя с этого мероприятия, Родион подумал, что, вероятно, будущее страны именно в руках таких людей с нетрадиционным подходом к решению проблем.

... Ближе к вечеру Крестовский оказался на Арбате. Он доехал на метро до станции «Смоленская» и, выйдя из него, оказался свидетелем любопытной картины. Две симпатичные женщины в желтых фирменных майках и бейсболках совершенно бесплатно раздавали прохожим коробочки в красивой упаковке. Крестовский даже поначалу не понял, что это за товар и встал в очередь.

- Что дают? – спросил он у впереди стоящего мужчины.
- Компактные упаковки женских прокладок «Либресс».
- Фу-у-у, а я то думал, что-то дельное, а это?... – и отошел в сторону.

Женщины, которым вроде бы необходим этот товар, чаще всего шарахались в сторону от такого подарка. Однако в отличие от недоверчивых дам, мужчины не только с удовольствием хватали красивые коробочки, но даже выстроились в живую очередь за ними.

– А чо, все берут, – толкнул его серьезный мужчина средних лет. – Все берут, и я возьму. Жене подарю. Пусть пользуется в критические дни.

– Прикольно, – радовался молоденький паренек, ухвативший сразу три упаковки, и засовывая их в свою сумку.

Крестовский, отходя дальше от очереди, пришел к выводу, что мужчин «халявщиков» намного больше, чем женщин.

Потом его оглушили крики мальчишек, торгующих газетами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.